

болезни султана рынки и общественные места опустели, и каждый старался спрятать свое богатство и имущество. На Востоке нет ничего прочного; все зависит от личного характера властителя, и если властитель умирает, то с ним умирает и все остальное.

Жизнь и личность Саладина послужили предметом для многих писателей. Но между всеми арабскими историками подробнее всех о том говорит Боаэддин, хотя он не беспристрастен и везде видит только одну сторону. Мы приведем здесь только те черты из современных свидетельств, которые дополняют известный образ Саладина, каким он является в своей политической жизни.

Саладин родился в Текрите на Тигре и умер 57 лунных лет (55 солнечных), после правления 24 лет в Египте и 19 в Сирии. Арабские писатели изображают его весьма щедрым, причем он лишал себя даже необходимого. Боаэддин утверждает, что его казначей был вынужден в конце втайне от султана откладывать деньги на непредвиденный случай. Когда он умер, в его сокровищнице нашли одну золотую и 47 серебряных монет (что едва составляет 50 франков нынешней монеты). «Вот, — заключает Боаэддин, — это все, что ему осталось от доходов, получаемых в Египте, Аравии, Сирии и части Месопотамии. У такого властителя это обстоятельство могло служить только доказательством его чрезмерной щедрости, потому что кроме того у него не осталось никакого имущества и никакой собственности».

Особенно когда Саладин овладевал новой провинцией, он обнаруживал крайнюю расточительность, чтобы расположить в свою пользу большинство. Когда он вступил в Дамаск после смерти Нуреддина, он не взял ничего из его сокровищ для себя и разделил все между эмирами. Абульфараж¹

Медная монета Юлук-Арслана, эмира Диарбекира, чеканенная в год смерти Саладина (1193 г.)

в своей «Сирийской хронике» приводит одну черту, которая весьма хорошо говорит о различии характера Саладина и Нуреддина. Саладин, говорит он, поручил эмиру Ибн Мокаддаму, одному из тех, которые помогли ему овладеть Дамаском, разделить между прочими эмирами и важнейшими из жителей города сокровища, накопленные Нуреддином: эмир опустил руку и начал с себя, но не смел захватить много. Саладин, удивленный тем, спросил его о причине, и тот отвечал ему, смеясь, что когда-то Нуреддин при разделе изюма, видя, как он много захватывает в руку, заметил, что таким образом не хватит на всех. Тогда Саладин возразил, что скупость придумана для купцов, а не для властителей, и что эмир может брать своей рукой, а если не хватит одной руки, то пусть берет двумя.

Саладин, по словам Абульфеды, имел кроткие нравы; он терпеливо выносил противоречие и оказывал снисходительность к тем, которые ему служили. Если что-нибудь его оскорбляло, он не показывал вида. Случилось в то время, когда он сидел, один из мамелюков бросил грубо своей обувью в голову товарища, и башмак упал возле султана, но он отвернулся, как бы не замечая того. В разговоре Саладин был осторожен; его пример внушал то же самое другим, и никто не осмеливался в его присутствии марать честь другого. Боаэддин приводит следующий пример долготерпеливости Саладина. Когда во время своей последней болезни султан спросил теплой воды, ему принесли кипятка; он повторил свою просьбу, и ему подали совсем холодную воду. Саладин, не изменяя своего состоя-

¹ Абульфараж (1226–1286 гг.) — сириец, якобитский епископ в Алеппо, написал на арабском и сирийском языках всемирную историю от сотворения мира до 1284 г.; она издана в 1863 г. с латинским переводом в Оксфорде; издателем ее был известный ученый *Роско* (Roscoe; 1833–1915 гг.).